

Пётр Исаевич Вейнберг (1831–1908) — поэт, учёный, академик, педагог, издатель, редактор, переводчик-профессионал, много сделавший для знакомства русских читателей с западной литературой, — прочно вошёл в историю российской словесности.

Родители его стали православными не корысти ради, но по зову души. Отец, Исай Семёнович, строго следил за исполнением семьёй всех церковных обрядов, сам подавал этому пример, и дети с самых ранних лет привыкли относиться к религии с благоговением.

В семье Вейнбергов часто давались самодеятельные спектакли, в которых не гнушались играть и всероссийски знаменитые Михаил Щепкин, Павел Мочалов, известный американский чернокожий актёр-гастролёр Айра Олдридж.

С детства у Петра проявилась тяга к литературе, и отец, одобряя это увлечение, определил его в лучшее в Одессе учебное заведение — Пансион Василия Андреевича Золотова (1804–1882). Мальчик проучился здесь шесть лет, и это оказало на него огромное влияние, сформировало его эстетический вкус.

А вот дальнейшей учёбой в гимназии при Ришельевском лицее Пётр доволен не был. Там, как он впоследствии вспоминал, «царил рутинный формализм при полном отсутствии живого элемента». Не лучше обстояло дело и на юридическом факультете лицея, куда Вейнберг поступил по окончании гимназии. «Не столько юридические науки, — признавался он, — сколько поистине ужасный способ их преподавания бездарными и ленивыми профессорами отравил мне годы, которые я поневоле проводил на скамьях лицейских аудиторий». Отец внял его настойчивым просьбам и разрешил Петру за полгода до окончания курса покинуть лицей и отправиться в Харьков, в университет, чтобы стать студентом историко-филологического отделения.

Однако и там картина оказалась «мрачной и печальной». Преподавание велось на самом низком уровне, но, к счастью, были здесь и молодые преподаватели, отличавшиеся «содержательностью, широтой взглядов, новизной обобщения, отзывчивостью на общественные вопросы, с ораторским

талантом». Именно благодаря этим светлым умам литературные способности Вейнберга проявились в полной мере. В студенческие годы в журнале «Пантеон» (1851, №11) был напечатан его перевод драмы Жорж Санд «Клоди». А его перевод стихотворения Виктора Гюго «Молитва обо всех» вышел в «Харьковских губернских ведомостях» (1852, февр.). В письме к редактору «Пантеона» Фёдору Кони от 24 сентября 1852 года Вейнберг предлагает свои услуги как переводчик рассказов, пьес, водевилей. А в 1854 году в Одессе выходит первый поэтический сборник Петра Вейнберга с несколькими оригинальными стихотворениями и переводами из Горация, Андре Шенье, Виктора Гюго, Джорджа Гордона Байрона.

После окончания университета наш герой начал служить в качестве чиновника особых поручений при тамбовском губернаторе Карле Данзасе (1806–1885). О трёх годах, проведённых в Тамбове, Пётр Исаевич говорил как о «времени глупого, праздного и бесцельного существования», которое скрашивалось усиленной литературной работой. Впрочем, он здесь излишне самокритичен, поскольку, помимо службы, редактировал неофициальную часть «Губернских новостей» и сам писал много и вдохновенно. И этот тамбовский период, о котором наш герой, по его словам, не мог вспоминать «без содрогания», сыграл в становлении Вейнберга-поэта весьма значительную роль. И прежде всего потому, что он открыл для себя творчество Генриха Гейне. Вейнберг стал редактором первого и последующих собраний сочинений Гейне на русском языке, переводчиком более 250 его стихотворений. Кстати, в любовной лирике Петра Исаевича влияние Гейне весьма ощутимо.

К периоду пребывания в Тамбове относится и самое, пожалуй, знаменитое стихотворение Вейнберга «Он был титулярный советник» (1859), впоследствии вошедшее в сборник «Юмористические стихотворения Гейне из Тамбова» (СПб., 1863), положенное на музыку Александром Даргомыжским и ставшее широко известным в исполнении Фёдора Шаляпина. Интересно, что другое популярное стихотворение Вейнберга высечено

на его надгробном памятнике на Литераторских мостках в Петербурге:

А седые волны моря,
Пробуждёнью духа вторя
Откликом природы,
Всё быстрее вперёд летели,
Всё грознее песню пели
Мощи и свободы!

В 1858 году Вейнберг переехал в Петербург и по рекомендации поэта Владимира Бенедиктова посещал литературный салон Александра Дружинина, где познакомился с самыми известными писателями того времени: Иваном Тургеневым, Иваном Гончаровым, Дмитрием Григоровичем, Алексеем Писемским, Николаем Некрасовым, Василием Боткиным. Он активно сотрудничал с журналами «Библиотека для чтения», «Современник», «Сын Отечества», «Русское слово», «Отечественные записки», «С-Петербургские ведомости», опубликовал цикл фельетонов «Мелодии серого цвета» в журнале «Весельчак», проявляя необыкновенную энергию и трудолюбие.

В 1859 году в Петербурге начал издаваться сатирический журнал революционно-демократического направления «Искра». Его основателями были Василий Курочкин и Николай Степанов. С первого же номера журнала Вейнберг принял в нём самое деятельное участие в качестве автора и члена редакции. «Искра» занимала непримиримую позицию к проявлению всякого рода произвола, и именно здесь окрепло дарование Вейнберга, оформился его поэтический талант. Весьма симптоматично, что издатели не боялись возвышать свой голос в защиту евреев от нападок реакционной печати. Вот что писал редактор «Искры» Василий Курочкин, обращаясь к журналистам-юдофобам:

Для нас евреи — суть евреи,
Для вас евреи — суть жида.

Вейнберг бичевал в «Искре» нечистоплотных дельцов всех племён и мастей. Один из критиков писал: «Нет ничего удивительного в том, что Вейнберг, будучи евреем, не жертвует национальному чувству истиною и обличает возмутительные деяния другого еврея». Необходимо отметить, что в то же время Вейнберг покровительствовал еврейским литераторам и помогал печатать их произведения.

Собственно поэтическое творчество Вейнберга мало оригинально, стихи в основном рассчитаны на декламацию. Но он прославился и историко-литературными этюдами, критическими статьями, обзорами-рецензиями, публицистическими фельетонами. Был он и составителем всякого рода сборников, хрестоматий, призванных нести культуру в самые широкие массы.

Важным событием культурной жизни Петербурга было создание в 1859 году Литературного

фонда, организованного в целях оказания помощи нуждающимся литераторам и учёным. Одним из его инициаторов, деятельным участником, а потом и председателем стал Пётр Вейнберг. Современник свидетельствовал: «Он буквально в своей личности сосредоточил всё обилие горя, нужды и печали, которые так часто сопутствуют жизни писательского сословия». При этом Пётр Исаевич не боялся вступаться за литераторов-революционеров, подвергшихся репрессиям. Так он ходатайствовал об освобождении Горького, арестованного после событий 9 января 1905 года; о разрешении вернуться в Петербург из Вильны сосланного Германа Лопатина. Он был «вечным ходатаем перед обществом за писательское сословие, устраивая в его пользу концерты, спектакли, чтения, привлекая сюда выдающиеся поэтические силы, хлопоча о величине сборов, дабы иметь возможность как можно шире прийти на помощь человеческой беде». Возглавлял Вейнберг и Союз взаимопомощи русских писателей, председателем которого был избран в 1897 году. А в 1905 году по рекомендации Антона Чехова он стал ещё и почётным академиком Российской академии наук.

Квартира его на Фонтанке у Аничкова моста, которую знала чуть ли не вся научная и литературная Россия, стала своего рода центром, куда люди шли за советом, за помощью и поддержкой.

И всё же главная и неоценимая заслуга Вейнберга в том, что он ввёл в российский культурный обиход шедевры мировой литературы. Масштабы переводческой деятельности Вейнберга огромны: свыше шестидесяти европейских и американских авторов от Данте до его современников. Важно то, что, неутомимый популяризатор западной литературы, он формулирует принципы художественного перевода, которыми неукоснительно руководствуется и сам. По словам литературоведа Юрия Левина, «среди своих современников Вейнберг стяжал славу лучшего переводчика, а его переводы долгое время считались образцовыми».

Будучи христианином, Пётр Исаевич, по собственным словам, стремился постичь «область религии с её внутренней стороны», развить и укрепить в себе нравственно-религиозное чувство. Но он не мог не думать о своём народе. Правнучка Петра Исаевича, Галина Островская, замечает: «Конечно, бытовой антисемитизм в России был широко распространён, и с его проявлениями Петру Исаевичу безусловно и многократно приходилось сталкиваться. И, конечно, он это остро и болезненно переживал. И страшно даже подумать, что творилось в его душе, когда в 1905 году в его любимой Одессе, где жили его многочисленные родственники и друзья, прокатилась волна ужасных еврейских погромов».

Надо сказать, что Пётр Исаевич был нетерпим к любым проявлениям юдофобии. К примеру,

когда в 1897 году в журнале «Нива» появилась статья, восхваляющая антисемита Виктора Буренина, Вейнберг написал издателю журнала: «В сегодняшнем номере „Нивы“ я прочёл статью в честь господина Буренина! После такой оценки его заслуг я (и смею думать, что найдутся люди, которые поступят точно так же), конечно, должен лишиться себя возможности печататься далее в Вашем журнале».

Еврейская тема занимает большое место в переводческой деятельности Вейнберга. По-видимому, влияние и обаяние таланта обожаемого им Гейне, с его повышенным интересом к еврейству, дали Вейнбергу импульс к разработке темы уже на более широком литературном материале. Он переводит «Венецианского купца» (1866) Шекспира и драму Карла Гуцкова (1811–1878) «Уриэль Акоста» (Отечественные записки, 1872, № 2, 11, 12 и переизд. в 1880, 1895, 1898, 1905), пьесу Генри Уодсуорта Лонгфелло (1807–1882) «Иуда Маккавей» (Еврейская библиотека, 1875, т. 5), драму «Натан Мудрый» Готхольда Эфраима Лессинга (1729–1781).

Перевод Вейнберга драматической поэмы писателя-романтика Виктора Гюго (1802–1885) «Торквемада» (Восход, 1882, кн. 9–10) критики называли «превосходнейшим». Отметим, что сама эта пьеса была написана под влиянием погромов в России, с осуждением которых Гюго, президент комитета помощи русским евреям, неоднократно выступал в печати. Тема изгнания евреев из страны также обретала свою актуальность в связи с небывалой волной эмиграции иудеев из империи и поощрительными призывами властей: «Западная граница открыта для вас!»

Вейнберг был популяризатором и собственно еврейской литературы. Знаменательно, что он перевёл капитальную монографию Густава Карпелеса (1848–1909) «История еврейской литературы» (Спб., 1890) — первый систематический опыт подобного рода, имевший огромное культурное значение. Этот учёный определил еврейскую литературу как «умственные произведения евреев, в которых отпечатлеваются еврейское мирозерцание, еврейская культура, еврейский образ мысли, еврейское чувство».

Событием большой общественной значимости стал выход двухтомника «великого политического сатирика» Карла Людвиг Берне (1786–1837) под редакцией и в переводе Вейнберга (Спб., 1869), с приложением его биографической статьи об авторе. Несомненный интерес представляет его перевод произведения «еврейского романиста большой руки», педагога, пылкого оратора Бертольда Ауэрбаха (1812–1882) «Поэт и купец» (Восход, 1885, кн. 6–11) — о еврейском поэте конца XVIII века. Ауэрбах призывал к преобразованию еврейства, а вовсе не к отходу от него. Во времена «массовых крещений» евреев в России перевод романа

«Поэт и купец» был весьма актуальным. Ауэрбах с горечью говорил об охватившем Европу антисемитизме как о «всеобщей нравственной порче» и «варварстве» и был глубоко потрясён погромами в России 1881 года.

Отметим и перевод «Избранных мыслей» (Спб., 1893) еврейско-австрийского писателя-сатирика Морица Готлиба Сафира (1795–1852), весьма популярного и в России благодаря своему сверкающему остроумию (его юмор ценили Фёдор Достоевский и Лев Толстой). Непревзойдённый мастер афоризмов, «остроумный балаганщик и сплетник», он поражал читателей своим парадоксальным мышлением, неожиданными сопоставлениями, каламбурами. И хотя Генрих Гейне не находил в пассажах Сафира «серьёзной основы» и называл их «умственным чиханием», они востребованы и в наши дни, вошли в многочисленные сборники «Мысли и афоризмы деятелей и мыслителей народов мира».

Заслуживает внимания и перевод произведения другого австрийского писателя еврейского происхождения, Фрица Маутнера (1849–1923), известного более как театральный критик, фельетонист, автор колких литературных пародий и трагикомических историй, выдающийся философ-лингвист. Речь идёт о его романе «Новый Агасфер» (1882), опубликованном по горячим следам в ежемесячнике «Восход» (1882, № 12, 1883, № 1–3). Важно то, что Пётр Исаевич снабдил публикацию предисловием, в котором специально оговорил, что изложил роман в сокращённом виде, акцентируя внимание читателей именно на его «еврейской стороне».

Боевитая статья «Еврейский вопрос в иностранной сатирической литературе» (Восход, 1881, кн. 1) язвила известных в то время германских горлодёров Бернхарда Фёрстера, Адольфа Штеккера и Эрнста Генрици и доводила до абсурда их и без того иррациональные ксенофобские пассажи. Мир у таких озверелых юдофобов чёрно-бел, причём «еврейская краска всегда была чёрной, печальной, уродливой и злой, в противоположность германской белокурости».

Интересен и перевод главы «Римское гетто» из книги «Воспоминания об Италии» испанского писателя Эмилио Кастельяра (1832–1899) (Еврейская библиотека, 1878, т. 6). В погрязших в нищете и невежестве обитателях гетто автор узрел силу веры, сплочённость, «жизненность», проявляющиеся в самых ужасающих условиях. Он говорит об исторической преемственности: «Стоя вместе с другими в бесконечном водовороте, непрерывном потоке человеческих идей, евреи, однако, живут как бы вне своего времени и воссоздают в своих мыслях разрушенный храм, в котором незыблемо хранится ими старая вера с её благодатными надеждами».

Часто Вейнберг привносит в переводимый им текст своё отношение, комментирует, а иногда

и полемизирует с автором. Надо сказать, что слово Вейнберга другого стоит, ибо основано на вдумчивом изучении многих произведений «бытописателей гетто», которые он активно переводил. Пример тому—повесть «Дети рандара» (Восход, 1884, кн. 6, 8, 10–12) Леопольда Комперта (1822–1886), считавшегося первооткрывателем темы гетто в литературе.

В 1886 году под редакцией и частично в переводах Петра Вейнберга вышел в свет сборник «Повести и рассказы» Карла-Эмиля Францоа (1848–1904). Критики отмечали: «Очерки Францоа не только ближе подходят к жизни наших русских евреев, но даже по большей части составляют целиком выхваченную картину этой жизни... Проза Францоа, очень хорошо и талантливо написанная, даёт нам возможность заглянуть и в область явлений... совершенно нам неизвестных; она выводит перед нами ряд лиц, в высшей степени замечательных в психологическом отношении»... Даже раскрывая непривлекательные стороны отсталого еврейства, писатель делает это не как сторонний наблюдатель, а как любящий друг, стремящийся разорвать те оковы, которые держат в своих тисках отсталую массу соплеменников.

Знаменательно, что христианин Вейнберг попищал евреев-рenegатов. Его отношение к выкрестам благожелательным назвать трудно. Об этом можно судить по резко осуждающему тону, которым он говорит о таком «фальшивом шаге» своего литературного кумира Генриха Гейне. Слабыми, не выдерживающими строгой критики называет Вейнберг ссылки великого поэта на то, что «крещение представляет собою билет для входа в европейскую культуру». Негоже было Гейне страшиться вздорных насмешек над его «жидовством», которые исходили лишь от невежественного, обскурантного меньшинства. И ведь совсем скоро немецкий поэт пожалел о содеянном. «Не глупо ли,— писал Гейне.— Едва я выкрестился—меня ругают как еврея... Я ненавижу теперь одинаково евреями и христианами. Очень раскаиваюсь, что выкрестился: мне от этого не только не стало лучше жить, но напротив того—с тех пор нет у меня ничего, кроме неприятности и несчастья... Когда еврей, сын религии, не только удовлетворяющей его идеальным потребностям, но и обуславливающей всю его жизнь, меняет её на другую, то для него эта перемена означает разрыв не только с его прошедшим, но и со всем его внутренним существом. Ни одна религия не проникает в плоть и кровь человека, как еврейская. От этого ни один выкрестившийся еврей,

при своём своём желании, не становится вполне христианином: новая религия, как вода, которую окрестили его, остаётся только на его поверхности. И по той же самой причине выкреститься так тяжело для всякой благородной природы; еврей, делающий этот шаг охотно и весело, часто не что иное, как плут, настолько проникнутый страстью к торгашеству, что на свою веру он смотрит как на товар». Перевод этого текста Гейне безошибочно указывает на внутреннее, глубинные чувства и мысли самого Вейнберга.

Он перевёл некоторые «Галицийские рассказы» писателя из Львова Натана Самуэли (1846–1921), отличавшиеся острой наблюдательностью и мягким юмором и направленные против ренегатства молодого поколения. Критик Семён Дубнов в статье «Еврейско-галицийские рассказы Н. Самуэли» (Восход, 1885, кн. 11) высоко оценил повествовательное мастерство этого писателя, его умение выбрать «типическое лицо и характерный момент».

Огромный интерес представляет и материал Вейнберга «Из переписки английской дамы о еврействе и семитизме» (Восход, 1884, кн. 1–3), посвящённый положению иудеев в современной Европе. Автор отмечает агностицизм и прагматизм среди некоторых евреев, желавших крестить своих детей, чтобы избавить их от «всяких столкновений». Речь идёт об особом типе людей без рода и племени, «для которых еврейство и христианство представляются равно ничтожными нулями; они с одинаковым равнодушием перешли бы в ислам или буддизм, лишь бы освободиться от общественного гнёта и беспрепятственно наслаждаться житейскими благами. Как только еврейство служит им помехой в карьере, эти люди „ползут к кресту“». Между тем, в иудейской религии заключено нечто, дающее необыкновенную силу сопротивления, что делает евреев народом апостольским, призванным дать пример, как сохранить жизненную энергию».

Литераторы аттестовали Петра Исаевича как «рыцаря духа», «сеятеля разумно-доброего», служившего русской словесности самозабвенно, «с исключительной искренностью и самоотверженной чистотой». Но его заслуга и в том, что зарубежная литература, в том числе на еврейскую тему, заговорила на русском языке, став достоянием отечественного читателя. В некрологе об этом замечательном по широте и многогранности деятеле перефразируются слова из шекспировского «Гамлета»: «Писатель он был». Что же, безусловно, русский писатель и переводчик Пётр Вейнберг обогатил и духовную жизнь российского еврейства.